
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XV

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 90-летнему юбилею монголоведа, преподавателя
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Зои Кононовны Касьяненко

St. Petersburg
2015

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель), доктор филол. наук Л. Г. Скородумова, доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова, доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова
Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, D. S. (History) T. D. Skrynnikova,
D. S. (History) K. V. Orlova, Ph. D. (Philology) N. S. Yakhontova
Peer-reviewed by: Ph. D. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XV: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 104 с.

Пятнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 90-летию юбилею крупного ученого, монголоведа-языковеда, старейшего преподавателя Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Зои Кононовны Касьяненко, отдавшей преподавательской деятельности на кафедре монгольской филологии более пятидесяти лет. Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Наши юбилеры», «Наши переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов. Рецензии на новые книги и отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению увеличивают ценность выпуска. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение. Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The fifteenth edition of the «Mongolica» magazine is dedicated to the 90th anniversary of outstanding scientist, Mongolian linguist, the eldest professor of Oriental faculty of St. Petersburg State University, Zoya Kononovna Kasyanenko, who gave teaching at the department of Mongolian philology more than fifty years. This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», «Our anniversaries», and «Our Translations». The articles are written by both distinguished scholars and young researchers in the field of Mongolian studies. Reviews of new books make the issue topical. The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value. The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 23.11.2015. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2015
© Институт восточных рукописей РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА

И. В. Кульганек

Что скрыто от непосвященного взгляда в монгольских пословицах

В данной статье раскрывается образность монгольских пословиц, которые являются народными афоризмами, то есть частью народной духовной культуры и выражением этнического мировоззрения. Они, передавая и храня опыт народа, обнаруживают связь с основополагающими культурными понятиями, базисными для национальной языковой картины мира монгольского народа.

Ключевые слова: монгольский, пословицы, афоризм, тропы, художественные особенности, этническое мировоззрение, духовная культура.

Образность монгольских пословиц определяется особенностями их функционирования. Являясь составной частью народной духовной культуры, сгустком этнического мировоззрения, существуя как средство хранения и передачи опыта народа, они тесно связаны с культурно-специфическими понятиями, базисными для национальной языковой картины мира.

За каждой из пословиц стоит жизненный опыт многих поколений монгольских народов. Пословицы декларируют этот опыт, словесно утверждают заложенную в них истину. По мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, пословица выражает общее мнение, она никогда не оспаривается и всегда максимально авторитетна [Верещагин, Костомаров, 2005]. Формулировки афоризмов отточены веками, мысль в них выражена лаконично, каждое слово емко. Благодаря своей краткости, меткости, тому, что в них оптимально собраны жизненный опыт и наблюдения, они легко запоминаются и широко используются народом. Они всегда произносятся ситуативно, не употребляются без причины. За каждой пословицей стоит определенная жизненная ситуация. Пословицы и поговорки содержат эмоциональную оценку поступков человека, событий, явлений.

Пословицы поучительны, в них заключены советы по поводу самых различных жизненных обстоятельств. Они не предполагают возражений, они неизвмимы, не сочиняются специально, через них транслируется житейская народная правда, их можно назвать практической философией, сводом правил жизни, исторической памятью народа. Монгольские пословицы, оброненные кем-то по какому-то конкретному поводу, входят в народную речь и начинают функционировать в условиях, подобных тем, в которых они зародились.

Народная культура включает всю ментальность человека, формирование которой начинается в детстве с взаимоотношений маленького человека и родителей, близких людей, окружающей природы, религии. Постепенно человек включается в производственный процесс общества, усваивает обычаи, представления, способы поведения и ценностные ориентации. В пословицах находит свое выражение реальная действительность, проявляется своеобразие национальной картины мира, а также содержатся положительные и отрицательные оценки людей, живущих в конкретных исторических условиях. Интерес представляет не только понимание буквального значения пословиц, за которым стоит конкретный образ и чувственная основа, но и рассмотрение пословиц и поговорок как элементов коннотативной системы¹, с привлечением особого внимания к ценностным ориентирам, этическим нормам, моральным устоям, главенствовавшим в монгольском языковом континууме на протяжении длительного времени и породившим те или иные пословицы. Анализ художественных особенностей монгольских пословиц предполагает рассмотрение их в качестве элемента феномена, средства выражения культуры. При таком подходе к данной проблеме актуальны работы Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. А. Аврорина, Ю. В. Бромлея, в которых прослеживается связь народной поэзии и культуры² [Верещагин, Костомаров, 2005; Аврорин, 1975; Бромлей, 1983].

¹ Коннотативными системами являются такие системы, план выражения которых сам является знаковой системой и составлен из значимых двуплановых единиц, обладающих планом содержания и собственным планом выражения.

² См. также работы А. Е. Маркарян, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Г. Д. Томашина.

Художественный текст монгольских пословиц содержит ценностную информацию в виде сведений об истории, традициях, нравах, обычаях и культуре народа. Характер культуры влияет на логику построения пословиц, на конструкцию выражений, на стилистику, образы и лексику. Тексты изобилуют философско-культурными, лингвострановедческими знаниями о монгольских народах.

Так, страноведческие сведения о монголах передают следующие пословицы.

Зуун ямаанд жаран ухна («У ста коз шестьдесят козлов-производителей»), эта пословица имеет параллели в русском языке, в частности: «У одной овечки семь пастухов»; «Невелик городок, да семь воевод». Подчеркивает скотоводческий характер хозяйства монголов и указывает на большое значение в их культуре необозримых просторов такая пословица: *Эр хүний жаргал эзгүй хээр* («Счастье мужчины в бескрайней степи»). Дух свободолобивого народа ярко выражен в пословице: *Жаргалтай газар хүн тогтдоггүй, өвтэй газар мал тогтдоггүй* («В благодатных местах человек не уживается, на обильных местах скот не удерживается»), то есть если у человека всего достаточно, то ему это приедается и его душа начинает требовать чего-то большего. Эта мысль близка к мысли, образно выраженной в русской поговорке «беситься с жиру».

Ценностный подход предполагает необходимость выделять общечеловеческие, этнические, групповые, индивидуальные категории. Общечеловеческие ценности, такие как мудрость, глупость, серьезность, злоба, доброта, проявляются в таких пословицах:

1. *Аа ихтийн өө их* («У кого много самоуверенности, у того много изъянов»).

2. *Ахимхай хүн арван гурав дахих* («Жадный просит тринадцать раз»).

3. *Эхний тэнэг биеэ магтана, удаа тэнэг хүүгээ магтана, адгийн тэнэг авгайгаа магтана* («Первый дурень хвалит себя, второй дурень хвалит сына, самый большой — хвалит жену»).

4. *Муу байж бөө агсам байж жороо* («Хоть и плохой человек, а шаман, хоть и норовистый конь, а иноходец»).

5. *Аавын хүү адилгүй, арван хуруу тэгшгүй* («Сыновья у одного отца не одинаковые, десять пальцев не одинаковые») (Эквивалент: «В семье не без урода»; «Всякой твари по паре»).

6. *Адгийн ноён албатдаа баатар, адгийн эр авгайдаа баатар* («Последний нойон среди своих подданных — герой, а последний мужчина возле своей жены — богатырь»).

7. *Залхуугийн гадаа (түлшгүй) аргалгүй, залгидгийн гэрт хоолгүй* («У лентяя нет аргала возле юрты, у обжоры нет пищи в доме»).

8. *Муу хүн атаархсандаа уйлдаг, сайн хүн баярландаа уйлдаг* («Злой плачет от зависти, а добрый — от радости»).

В этих пословицах дается установка на такие качества человека, как доброта (посл. 2, 8), трудолюбие и умеренность (посл. 7), отсутствие чванства и высокомерия (посл. 3, 6), скромность (посл. 1). Доб-

рому человеку уготовано плакать только от радости, то есть доброму жить приятно, на его пути будут встречаться сильные положительные эмоции. Сколько ни получит жадный человек, ему все кажется мало, он ненасытен в своей жадности. У лентяя запущенное хозяйство, у него нет в запасе необходимых для хозяйства вещей, а у расточительного человека ничего в доме не держится. Кичливый человек всегда найдет, перед кем можно побахвалиться, даже если он по определению должен быть сильнее тех, с кем состязается в силе или власти. Он всегда найдет, чем можно похвалиться, даже если имеет к этому самое отдаленное отношение; восхваляя ближнего своего, он тем самым хочет погреться в тени его благости, перенести на себя часть восхищения им. Чванливый человек старается скрыть свои недостатки, при этом всячески подчеркивает свои достоинства; в действительности же добродетельный человек не будет говорить о своих совершенствах. Люди сами увидят их.

Есть немало пословиц, в которых проступают этнические особенности (указание на одежду, праздники, обычаи, обряды):

1. *Адуу бассан хүн амгайвчилж унадаг, айл бассан хүн нөмгөлж ордог* («Кто не ценит лошадь, ездит на разнузданной лошади, кто не считается с обычаем, тот заходит в чужой дом распоясанным»).

2. *Асар доших цаг биш* («Не время для устройства шатров»).

3. *Аяганы алагаас адууны алаг* («Лучше, чтобы в табуне пестрело, а не в чашке»).

4. *Сайн морь унавал нисэх шувуу мэт, муу морь унавал мохоо хутга мэт* («На хорошем коне едешь, как на птице летишь, а на кляче — словно на тупом ноже»).

5. *Шивнээ үг нөхөрт харш, шиврээ бороо дээлд харш* («Шёпотом произнесённое слово для друга вредно, морозящий дождь для дэли вреден»).

6. *Эв хэрэгтэй, эвэр нум хэрэггүй* («Нужен мир, не нужен роговый лук»).

7. *Эр хүн зовох тусам ухаан орох, эржин тана элэх тусам өнгө орох* («Мужчина набирается ума в испытаниях, а перламутр приобретает блеск от ношения»).

Данные пословицы несут в себе этнографические особенности быта монголов. Так, в первой пословице главным образом является лошадь, которая на протяжении многих веков была для монгола основной ценностью жизни, во второй части пословицы говорится о распоясанном (*номголж*) человеке, то есть о человеке, снявшем кушак. Кушак, который издавна был главной частью традиционной одежды монголов, выполнял не только утилитарную, но и сакральную функцию. Кушак был обязательной принадлежностью мужского костюма, являлся маркером половозрастной дефиниции. Существовали строгие правила, определявшие предпочтительные сочетания цвета дэли и кушака, значимые для монгольского общества. Кушак носили девушки до замужества. Женщины ходили без него — отсюда и название женщины *бусгүй*, то есть букв.: ‘без куша-

ка'. Мужчина в знак уважения к хозяевам обязан был входить в юрту в шапке и кушаке. Слова *асар* ('шатер'), *аяга* ('пиала') *адуу* ('табун'), *морь* ('конь'), *дэ-эл* ('дэли, халат'), *эвэр нум* ('роговой лук'), *эржин тана* ('перламутр') тесно связаны с повседневной жизнью монгола. Палатки использовались скотоводами на летовках, пиала заменяла монголу и чайную, и бульонную чашки, в ней подавались и молочные продукты, и сладости. Монгольский халат был незаменим в степных условиях жизни, роговые луки были распространены не меньше, чем изготовленные из дерева. Перламутр был в ходу в Монголии наравне с бирюзой, кораллом, серебром.

Основной функцией пословиц и поговорок является доказательство и подтверждение правильности действия или мысли, то есть их можно назвать узультивно-поведенческими текстами, так как они содержат общепризнанные и общепринятые нормы и иллюстрируют «аксиомы поведения, общения между людьми, взаимодействия с природой, жизнеобеспечения, ответственности, управления, безопасности, благоразумия» [Карасик, 2012. С. 43—50], причем, иногда афористические выражения оценивают одни и те же обстоятельства совершенно по-разному, и наоборот — о противоположных поступках и жизненных обстоятельствах может быть высказано одинаковое мнение. В ряде пословиц утверждается прямо противоположное тому, что полагается нормой в других. Причина этого кроется в том, что пословицы отражают все многообразие мира, в котором могут иметь место совершенно разные ситуации, они моделируют все их многообразие. Поэтому, как верно заметил Г. Л. Пермяков, пословицами никогда ничего нельзя доказывать, не следует приводить их в качестве аргумента в спорах [Пермяков, 1970; 1978. С. 11; 1984; 1988].

Примерами могут служить такие монгольские пословицы, которые имеют, на первый взгляд, противоположный смысл, но которые не противоречат одна другой в главном — в глубинном понимании человеческих ценностей.

Наглядно это показывают следующие пословицы и поговорки:

1. *Агсам морь арилжаагүй* («Резвый конь не меняет своего шага»); *Агсам морь эцэх нь амархан* («Резвый конь быстро устаёт»). В первой поговорке говорится о стиле бега коня, особенностях его повадок, манере двигаться, характере, резвый конь всегда бежит с одинаковым рвением, он всегда быстр, устремлен вперед, так двигаться ему дано самой природой. Во второй поговорке говорится об одном качестве горячего коня — о его выносливости. Мы понимаем, что речь в обеих поговорках идет о человеке. И за строкой прочитывается невысказанная мысль о том, что невозмутимый, хладнокровный, бесстрашный, уравновешенный человек добьется в жизни больше, чем человек несдержанный и вспыльчивый.

2. *Хүн болгон адилгүй, хүлэг болгон жороогүй* («Один человек непохож на другого, не всякий конь — иноходец»); *Аавын хүү аль нь ч адилхан*

(«Каждый — сын своего отца, все люди одинаковы»). В первой пословице из этой пары говорится о несхожести людей и животных в этом мире. Эквивалентом ее в русском языке может служить пословица: «Каждый петух по-своему кукарекает». Во второй говорится о том, что различие людей нивелируется. Т. е. обе пословицы утверждают наличие сходства и различий между людьми.

3. *Арслан ч арслан, эрслэн ч арслан* («Лев — будь то самец или самка — всё равно лев») (эквивалент: «Лев есть лев»); *Арслан ч галаас айна* («И лев огня боится»). В первой пословице лев признается сильным и бесстрашным существом, во второй эта мысль опровергается — есть вещи, которые сильнее его и которых он боится. Но обе эти пословицы едины в одном — есть сильные люди, и они при любых обстоятельствах остаются сильными, даже если чего-то боятся.

4. *Их инээд эцэтээ нулимстай цэцэн* («Сильный смех приводит в конце к мудрым слезам») (эквивалент: «Смеется тот, кто смеется последним»); *Муу инээхээр сайн уйл* («Чем плохо смеяться, лучше хорошо поплачь»). Эти на первый взгляд противоположные по смыслу пословицы, из которых одна говорит о сильном и радостном смехе, а вторая — о неискреннем, натужном и принужденном, объединены неким единым пониманием сути поведения. В первой речь идет о молодой бездумности, расплата за которую обязательно приходит в старости. Вторая же призывает к искренности. Но обе они устанавливают связь между действиями и их результатом.

Об индивидуальных ценностях, которые признаются монгольским обществом, говорят такие пословицы:

1. *Эр хүн эдээр чимсэнээс эрдмээр чимсэн нь дээр* («Мужчине лучше украшать себя знаниями, нежели вещами»). В этой пословице дидактически четко выражена мысль, что для человека должны быть более важными знание, образование, духовность, чем материальное богатство.

2. *Ор сохор байж онигорыгоо муухай гэж голох* («Совсем слепой, а считает плохим подслеповатого») (эквивалент: «В чужом глазу соринку замечает, в своем не видит и бревна»). Нельзя обвинять человека в его недостатках, не присмотревшись к себе, так как можно обнаружить, что сам обладаешь еще большими недостатками.

3. *Сайн хүнийг ханилан байж мэддэг, сайн морийг унан байж мэддэг* («Хороший человек узнаётся в дружбе, хороший конь узнаётся в езде»). Дружбой, различными ситуациями в жизни, невзгодами проверяются люди.

4. *Авчин төвчийн зангаар, архичин сөнчийн зангаар* («Загонщик слушается ловчего на облаве, а пьяница — тамаду»). У каждого человека свои учителя и наставники. И от его характера зависит то, какие люди будут твоими начальниками и будут тобой руководить.

5. *Талтай хүн талын чинээ, талгүй хүн алгын чинээ* («У кого много друзей — широк как степь, у кого нет друзей — узок как ладонь») (эквивалент: «Не

имей сто рублей, а имей сто друзей»). Как степь богата животными и всевозможными дарами природы, так и человек, имеющий много друзей, открыт для всех, его дом наполнен радостью и счастьем других людей.

6. *Тэнэг үзээн хоёр хөөрөлдөж чадахгүй, тэмээ ямаа хоёр мөргөлдөж чадахгүй* («Беседовать друг с другом не могут умный и дурак, бодаться не могут верблюд и коза») (эквивалент: «Пеший конному не товарищ»). Речь идет не только о беседе, а о более глубоком взаимопонимании людей. Общение будет более полным, совершенным с человеком своего круга, одного уровня образования и одной глубины понимания природы вещей.

7. *Нэг нь хөдөлж, долоо нь аахилах* («Один шевелится, семеро пыхтят») (эквиваленты: «Один с сошкой, а семеро с ложкой»; «Один рубит, семеро в кулаки трубят»). В этой пословице говорится о ситуации, когда один человек делает работу за всех.

8. *Авир сайт айлд арав хонох, ам муут хээр хонох* («Человек доброго нрава десять дней в гостях переночует, а человек со злым языком будет ночевать в степи»). В этой пословице отражено житейское правило: доброму человеку в жизни удастся больше, чем недоброжелательному.

9. *Аавын хүү адилгүй, арван хуруу тэгшгүй* («У одного отца дети разные, у одной руки пальцы разные»). Все люди на свете разные.

10. *Ахан дүүдээ алаг бяруу мэт, алалдах дайсанд арслан барс мэт* («С родственниками обращается как телёнок ласковый, с врагами — как лев и тигр») (эквивалент: «Бой красен мужеством, а приятельство — дружеством»). Человек должен дружить со своими родственниками и уметь защищаться от врагов.

11. *Насаараа хэвтсэн өвгөнөөс асуухаар, нартыг тойрсон залуугаас асуу* («Чем спрашивать старика, пролежавшего весь свой век, спрашивай парня, обошедшего вокруг солнца»). В народе всегда приветствовались любознательность, пытливость, желание узнавать, обучаться. Ценились люди бывалые, знающие мир, опытные и смелые.

О ценностях, касающихся социальной организации монгольского общества, могут говорить такие пословицы:

1. *Аав үхэхэд ах — аав, ээж үхэхэд эгч — ээж* («Если умрёт отец, старший брат — отец, если умрёт мать, старшая сестра — мать»). Эта сентенция представляет собой зарифмованное положение из обычного права монголов, предполагающее, что обязанности своего отца после смерти хозяина берет на себя старший брат, а обязанности матери после ее смерти берет на себя старшая сестра.

2. *Муу ах дүүгээс сайн айл дээр* («Хороший сосед лучше плохого родственника»), то есть хороший человек всегда поможет независимо от родственной принадлежности.

3. *Адгийн эр авгайдаа дээрлэхүү* («Плохой мужчина высокомерен со своей женой»). Пословица может иметь два смысла: а) в монгольском обществе мужчина всегда находится на иерархической лест-

нице выше женщины; б) только плохой мужчина будет кичиться перед своей женой тем, что он сильнее ее.

Монгольские афоризмы можно рассматривать с точки зрения наличия в них эстетического компонента. Присутствие художественных образов, переносного смысла говорит об их художественности и наоборот: если все слова употреблены в их прямом значении и имеют только один смысл, художественных образов нет, то речь идет о малой эстетической составляющей, о превалировании в них утилитарности.

Например, в пословице: *Бушуухан туулай борвиндоо баастай* («Спешащий заяц по колено в грязи») переносный смысл имеется. В данной пословице речь идет не о животном, а о человеке, который спешит и поступает во вред себе, так как из-за спешки получается много огрехов, которые оборачиваются невзгодами для него самого. В изречении «Не спеши, быстрее приедешь» есть только прямой смысл, дидактическое указание на то, как надо действовать в любой жизненной ситуации: не следует спешить, все следует делать основательно, спокойно, только тогда будет хороший результат, не надо будет переделывать заново плохо сделанное.

Народные пословицы и поговорки имеют ряд жанровых признаков. Чтобы их лучше представить, можно сравнить их с жанровыми признаками авторских афоризмов и крылатых выражений. Анализ продуктивнее проводить по трем аспектам наблюдений: содержанию, форме, функции.

В содержательном плане народные пословицы отличает философская глубина, дидактичность, уверенность в истинности произносимого. Они могут иметь содержание развлекательного плана, насмешки, обучения, поощрения, возмущения, выражения согласия, рекомендации. Форму их отличает краткость, законченность, структурированность.

Мнемотехнические признаки пословиц следующие:

- 1) они основаны на приеме параллелизма;
- 2) в них явно выражена аллитерация;
- 3) преимущественное большинство имеет конечную рифму³;
- 4) количество слов в строке колеблется от 2 до 4.

Говоря об их функциях, можно отметить широкую употребительность, цитатность, автосемантическую (под которой понимается относительная независимость от текста, в котором они функционируют, например, если речь идет о пословицах или поговорках, которые включены в более крупное произведение фольклорного или письменного жанра).

К наиболее значимым для литературоведческого анализа содержательным признакам относится, по-

³ Однако имеются изречения, которые представляют собой незаконченные предложения, с открытой структурой, но законченность которых подразумевается. Их может понять только человек данной культуры, включенный в жизненную ситуацию своего народа, поскольку он находится в контексте непроговоренного, того, что ему было известно ранее.

мимо иносказательности или образности, модальность суждения (то есть каким способом выражено отношение к норме поведения)⁴. Предложения могут быть повелительными и повествовательными.

Примерами повелительных предложений в пословицах могут быть следующие:

Яарвал явж бай. Ядарвал сууж бай («Если спешишь, то иди. Если устал, то сиди»); *Ядрахад яр. Ядахад хор* («Когда спешишь, шевелись. Когда устал, стой спокойно»).

Примеры повествовательных предложений в пословицах:

Аймхай хун аяны дундаас буцах («Боязливый возвращается с полдороги»).

Повелительные предложения обычно оформляются глаголом в форме второго лица единственного числа, а повествовательные — глаголом в неопределенной форме. Они могут вообще не иметь глагола, лишь подразумевать его.

Примером таких пословиц может быть следующая:

Гэнэт баяжсан гэмтэй. Гэдэргээн унасан овчтэй («Грех на том, кто вдруг разбогател, болезнь тому, кто упадет навзничь»).

Изречения, в которых слова имеют только прямой смысл и мысль выражена прямолинейно, понять достаточно легко. Поговорки, имеющие переносный смысл, иносказание, образность, нуждаются в интерпретации.

Например, пословица: «Наказывай тех, кто виноват» не требует интерпретации. В ней установка дана четко и понятно.

В других пословицах, таких как: *Гэр малгуй хун гэрийн нохойноос дор* («Человек, у которого нет ни юрты, ни скота, хуже домашней собаки»), смысл в целом понятен, но требуется некоторая внутренняя работа слушателя, чтобы осознать, что речь идет не только о конкретной ситуации, представленной в пословице, а о более общем положении, то есть о том, что бедный человек в обществе стоит на самой низкой ступени. Более сложную интерпретацию текста совершает слушатель, сталкиваясь с пословицами, имеющими иносказательный смысл и художественные образы.

Пример интерпретативного анализа, наглядно продемонстрированный О. А. Дмитриевой [Дмитриева, 1997], может быть использован при разборе монгольской поговорки *«Бөөсөнд жад гэгчээр»* («Заколоть копьём вошь»), имеющей русский эквивалент «Стрелять из пушки по воробьям». Анализ этой пословицы человеком сводится к пониманию абсурдности охотиться на такое маленькое насекомое, как вошь, таким громоздким для этого оружием, каким является копьё. Этот поверхностный смысл скрывает настоящую, подразумеваемую суть поговорки. Она вытекает из расширительного толкования образов, сопоставленных в ней, а именно — «вошь» и «ко-

пье», то есть нечто чрезмерно малое и не соответствующий этому нечто по размерам большой предмет. Главное состоит в том, что в сознании человека имеется знание о том, что для убийства насекомого не нужно прикладывать столь большие усилия. Поэтому главная суть высказывания будет состоять в изображении «несоразмерности усилий, которые иногда прикладывает человек, чтобы добиться какой-то малой цели, т. е. использовать чрезмерные средства для решения простых задач» [Дмитриева, 1997. С. 10]. Данная поговорка вспомнится и употребится монголом в той ситуации, когда потребуется высказать мнение, что кто-то не соизмеряет затраты и результат, собирается тратить большие средства и силы, чем это следует делать в действительности, для получения незначительной выгоды, достижения малого результата. «Смысл этой поговорки базируется на признании практичной нормы поведения как необходимой и рекомендованной» [Дмитриева, 1997. С. 10].

Образная поверхностная структура данных высказываний может быть различна, однако все они будут объединены единым суждением, в основе которого лежит утилитарное правило: не следует тратить лишние силы на достижение малой цели. Они говорят о различных конкретных действиях. Но суть их одна: не применяй больше силы, чем требуется здравым смыслом. Все приведенные поговорки можно объединить в одну содержательную группу, так как все они образуют «определенное концептуальное единство, между компонентами которого устанавливаются отношения аналогии по содержанию» [Дмитриева, 1997. С. 10].

Помимо содержательной стороны дела отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о языковой специфике монгольских пословиц и поговорок, то есть о структурно-функциональной их характеристике.

Как сказано выше, пословицы имеют как прямой, так и переносный смысл. Некоторые пословицы обладают образностью, другие — только прямым смыслом, немало их имеют только намеки на образность, на второй смысл и на перенос значения.

Приведем примеры пословиц с прямым и переносным значением, произносимых по поводу одной и той же жизненной установки. Пример пословицы с прямым значением: *Өргүй бол баян, өвчингүй бол жаргал* («Нет долгов — богатство, нет болезни — счастье»). Она имеет прямой смысл, выраженный прямым текстом, а именно: если человек не должен кому-либо отдавать часть своего добра, то, значит, все, что он будет приобретать, останется в его доме. Счастье, то есть благополучие, благоприятное состояние, это прежде всего здоровое тело. Глубинный смысл высказывания заключается в том, чтобы указать человеку, что надо довольствоваться малым и не быть жадным: достаточно для благополучия не быть должным и быть здоровым, то есть самое главное — не быть зависимым от другого и быть в состоянии все делать самому. Именно это возможно при хорошем здоровье.

⁴ Высказывания, устанавливающие какую-либо норму поведения, называются деонтическими, допускающие возможность действия — алетическими.

В ряде пословиц существенную роль выполняет информация, содержащаяся в подтексте произнесенного изречения. Например, в пословице *Могой лууны эр охиныг таних бэрх, модон шооны үзүүр ёзоорыг таних бэрх* («Трудно узнать пол змеи или дракона, трудно определить, где верх и где низ деревянного кубика») через образы змеи, дракона, деревянного кубика выражены понятия более общего характера, а именно: в ней говорится о том, что бывает очень трудно понять суть некоторых вещей, если она в них не выражена явно.

Пословицы и поговорки характеризуются определенными формальными отличиями. Им свойственно отсутствие соотношенности с каким-либо определенным временем. В них часто употребляется неопределенное настоящее время, реализуемое аффиксом «-х». Оно указывает на вневременную данность изречения, на его вечную истину. Рекомендации, выказанные в такой грамматической форме, воспринимаются как универсальные, постоянные, непререкаемые. Народные изречения моделируют не конкретное, частное, уникальное, а типичное.

Именно этим мотивируется употребление глагола в форме причастия неопределенного настоящего времени, которая представляет собой наиболее нейтральную немаркированную форму, передающую неопределенность во времени.

Одним из формальных признаков монгольских пословиц и поговорок является употребление глагола в форме причастия в неопределенно настоящем

времени. Примеров таких изречений имеется множество.

Например: *Аавдаа авгай авахыг заах / аавдаа адуу манахыг заах* («Учить своего отца жениться / учить своего отца пасти табун ночью») (эквиваленты: «Учить рыбу плавать»; «Яйца курицу не учат»; «Ученого учить — только портить»). *Орж гарч яваарай гэхээр өдрийн арван гурав дахих* («Тринадцать раз на дню повторять „пришел“, „ушел“»).

В народных изречениях часто используются также риторические вопросы, назывные предложения, например: *Аавдаа алт, ээждээ эрдэнэ* («Для отца — золото, для матери — драгоценность») (эквивалент: «Свет в окошке для родителей»). *Аа ихтийн өө их* («У кого много самоуверенности, у того много изъянов»). *Жамтай юм жамаараа* («Всё происходит по своим законам») (эквиваленты: «Чему быть, того не миновать»; «Всеми своё время»; «Что Бог ни делает — всё к лучшему»). Встречаются предложения в побудительном наклонении, например: *Өргөхий нь чи өргө, аахилахы нь би аахилъя* («Ты поднимай, а я буду пыхтеть») (эквивалент: «Битый небитого везёт»).

Проведенный анализ структуры монгольских пословиц показал, что настоящее время, выраженное неопределенным причастием, использовано более, чем в 70 % всех пословиц. Около 20 % пословиц представляют собой предложения без сказуемого. Грамматическая структура изречений находится в полном соответствии с их главным смыслом, который заключается в формулировании обобщенных положений.

Использованная литература

- Аврорин, 1975: *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975 (*Avrorin V. A. Problemy izucheniya funktsional'noy storony yasyka. L., 1975*).
- Бромлей, 1983: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983 (*Bromley Yu. V. Ocherki teorii etnosa. M., 1983*).
- Верещагин, Костомаров, 2005: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 2005 (*Verezha-gin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. M., 2005*).
- Дмитриева, 1997: *Дмитриева О. А.* Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997 (*Dmitrieva O. A. Kul'turno-yasykovye harakteristiki poslovits i aforizmov. Volgograd, 1997*).
- Карасик, 2012: *Карасик В. И.* Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1 (39). С. 43—50 (*Karasik V. I. Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennostey // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg, 2012*).
- Пермяков, 1970: *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки. М., 1970 (*Perm'akov G. L. Ot pogovorki do skazki. M., 1970*).
- Пермяков, 1978: *Пермяков Г. Л.* Паремииологический сборник. М., 1978 (*Perm'akov G. L. Paremiologicheskii sbornik. M., 1978*).
- Пермяков, 1984: *Пермяков Г. Л.* Паремииологические исследования. М., 1984 (*Perm'akov G. L. Paremiologicheskie issledovaniya. M., 1984*).
- Пермяков, 1988: *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремииологии. М., 1988 (*Perm'akov G. L. Osnovy struktur-nou paremiologii. M., 1988*).

I. V. Kulganek

What is hidden from the uninitiated sight in the Mongolian Proverbs

This article reveals the imagery of Mongolian Proverbs as the popular sayings, a part of people's spiritual culture and the expression of ethnic worldview. They, transferring and storing the experience of the people, show a link with fundamental cultural concepts, basis for the national language picture of the world of the Mongolian people.

Key words: Mongolian, Proverbs, aphorism, trails, artistic features, ethnic worldview, spiritual culture.